6 июня

Гермиона почувствовала себя значительно лучше, когда проснулась во второй раз за день. Она слегка вздрогнула при воспоминании об ужасном урчании в животе, из-за которого она побежала в туалет (или, точнее, двинулась спотыкаясь с трясущимися слабыми коленями) и опорожнила желудок в первый раз, когда проснулась. Она все еще ощущала в горле отголоски жгучего виски и вина, смешанного с желудочной кислотой, но теперь ее голова прояснилась, и она больше не чувствовала головокружения.

Ей напомнили, что была причина, по которой она обычно не выпивала больше нескольких бокалов, предпочитая наслаждаться вкусом и настроением, а не размытостью и отсутствием мыслей, которых жаждали другие. Однако прошлым вечером, глядя на мужчину, одиноко сидящего на ее диване, она слишком хорошо поняла мысли о смерти, предательстве и страхе, которые проносились в его голове, и она не могла не присоединиться к нему в его молчаливом бдении.

Она издала легкий шепот от шока, сосредоточившись на маленьком светящемся будильнике рядом с ее кроватью — было три тридцать дня. Она выбралась из кровати и направилась на маленькую кухню; она поставила чайник и потянулась за чашкой, прежде чем заметила, что комната стала намного чище, чем в том состоянии, в котором она видела ее в последний раз, когда она оставила Сириуса без сознания на диване.

Несмотря на серьезность предстоящей задачи, было весьма забавно видеть, как он сидит, прижимая к груди фляжку с виски, как самую ценную вещь, и распевает немелодичные песни о том, как пнуть Змеелицого в крестраж, поймать Червехвоста в его крысиную форму и запереть его в комнате с МакГонагалл. Он был весьма изобретателен во многих способах наказания Питера за то, что тот сделал, или сделает? Или делал?

Это было до того, как Сириус внезапно замолчал, затем с тихим храпом опрокинулся на бок на диване; он ударился головой о деревянную ручку, и бутылка виски перевернулась и пролилась на него и на диван. Он резко проснулся от внезапной холодной жидкости, хлынувшей по его груди, пробормотал: «Жаль так тратить» и стянул через голову свою когда-то белую футболку, прежде чем снова рухнуть горизонтально.

Гермиона почувствовала странную смесь жалости, досады и желания посмеяться над ним за то, что он идиот. Но поскольку она считала, что ему только что сказали, что его мир вот-вот рухнет, и что они были единственными, кто мог это остановить, она предположила, что упасть в обморок в нетрезвом виде — не самая худшая реакция, которая могла возникнуть у двадцатиоднолетнего парня.

Она ожидала, что в комнате будет пахнуть алкоголем и сигаретами, но этого не произошло. При осмотре диван оказался чистым, пустых бутылок не было. «Ну, может, он и ужасно пьян, но, по крайней мере, он за собой убирает», — подумала она.

Наливая себе кофе и садясь за маленький обеденный столик, она заметила сложенный кусок

гостиничных канцелярских принадлежностей.

Гермиона,

Я не уверен, что сказал тебе, что вчера вечером я принял твой призыв к действию – мои воспоминания, скажем так, «затуманены» – Но я принимаю твой призыв. Проснувшись сегодня утром, я понял, что если я смогу пережить это похмелье, то выполнить предстоящую задачу будет легко. Сообщи мне следующий шаг. Я пришлю Зоффа позже; отправь ему свое сообщение.

DTV

С уважением,

г-н Огден

P.S. серьезно, мне нужно найти новый псевдоним – нынешний вызывает у меня желание его бросить.

Зофф? Гермиона задумалась: должно быть, это его сова, поняла она. Она усмехнулась над постскриптумом. Это был хороший псевдоним, несмотря на его нынешнюю способность вызывать рвоту; никто никогда не догадается, кто его использовал. Она перечитала заметку, DTV... что это значит? ... Она спросит его позже.

Она сосредоточилась на следующей задаче. Сириус может сказать, что принял ее просьбу о помощи, но он еще не знал всей истории. Она барабанила пальцами по столешнице. Захочет ли он помочь, зная, что ему придется извиняться перед матерью? Что ему придется притворяться всем, что он ненавидит?

Ей тоже придется рассказать ему правдивую историю смерти Регулуса. Она этого не хотела, хотя он, вероятно, был бы рад узнать, что его брат умер за доброе дело, а не за темное. Она не была уверена, как много он знал на данный момент; Сириус-старший знал, что Регулус пытался отступить от Пожирателей Смерти, но Гермиона не знала, когда он получил эту информацию, так что вполне возможно, что в данный момент он просто думал, что Регулус погиб в бою.

Гермиона допивала второй чайник чая и почти закончила делать записи, когда темно-серая сова поцарапала окно. Она открыла его, чтобы впустить его. Тихо ухнув, по-видимому, довольная ее быстрым ответом, она пересекла комнату и уселась на спинку обеденного стула, на котором сидела Гермиона, нетерпеливо протягивая ногу, пока она не взяла прикрепленный к ней небольшой свиток.

Поужинаем сегодня вечером? Я хочу попробовать маггловское обслуживание номеров, можно?

Я думаю, тебе не следует появляться на публике больше, чем необходимо, особенно со мной.

Лучше всего дать резкий ответ Зоффу; он становится немного раздражительным, если ему приходится ждать.

- Мистер Огден (все еще чувствую тошноту, когда пишу это, но я бы не хотел, чтобы ты гадала, что это за тип такой напористый тип с противной совой)

«Ой!» Действительно противная сова - Зофф только что укусила ее за запястье, когда она потянулась за клочком пергамента, лежащим в стопке ее записей. «Хорошо, хорошо, я пишу», — пробормотала она, сочиняя быстрый ответ.

Мистер Огден,

Готова, когда вы будете. Трансмигрируйте на балкон - я заблокировала комнату.

Обслуживание номеров звучит великолепно. Ваша сова злая и странным образом напоминает своего хозяина.

- Г

Когда нетерпеливая птица унесла её записку в теплое летнее вечернее небо, Гермiona вернулась к своей работе. Она составила что-то вроде справочной карты: объект крестража, где он был спрятан сейчас, где он был, когда Гарри, Рон и она нашли его, как он был уничтожен - все в аккуратных колонках для мгновенного перехода.

На другом листе пергамента у нее был план действий, разбитый на этапы, которым будет легко следовать, пока она будет объяснять его Сириусу. Когда она проверила все это, выглядело так просто - все упорядоченно и аккуратно на бумаге, написанное ее аккуратным почерком, - она задалась вопросом, может ли Сириус, прочитав эти скудные, холодные факты, недооценить работу, которую она просила его выполнить. Или, подумала она, читая номер два в списке, Сириус поговорит со своей семьей, убедит их, что хочет вернуться теперь, когда Регулус ушел, - он может сойти с ума из-за ее самонадеянности.

Она взмахнула палочкой и пробормотала «Близнецы», затем провела палочкой по скопированным страницам, оставив видимым только заголовок. Она положила оригиналы обратно в папку и закрыла ее. Она использовала их в качестве подсказок и позволяла видеть каждый шаг на копии Сириуса только после того, как объяснила ему это.

Сириус постучал во французскую дверь вскоре после того, как Гермiona закончила приготовления. Она направила палочку в сторону дверей и понесла чайник на стол.

«Как твоя голова?» спросила она, когда он закрыл за собой дверь

«Дерьмово», — сказал он. Она подавила небольшой смешок, услышав его жалобу. «Я никогда в жизни не чувствовал себя так паршиво на следующий день».

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4290410>